

И. КАНТ, Ж. ЛАКАН И МАРКИЗ ДЕ САД: К ВОПРОСУ О НОВОЙ ЭТИКЕ

Коваленко Максим Олегович

студент физического факультета, Белорусский государственный университет

Курбачёва Ольга Владиславовна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки,
Белорусский государственный университет

Аннотация. Сегодня в условиях нарастающей нестабильности и социокультурных кризисов всё больше наблюдается обращение к этической проблематике и осмысление проблем нравственности сквозь призму современных реалий. Предметное исследование этических вопросов невозможно без обращения к работе И. Канта «Критика практического разума». Автором отмечается, что существуют ряд исследователей, которые показывают фундаментальную схожесть идей философа–моралиста И. Канта и антиморалистского литератора маркиза де Сада. Такое тождество возможно благодаря вписанному в современную культурную ситуацию фундаментального противоречия между актом высказывания и его содержанием, которые находятся в сцене высказывания. В разрешении данного противоречия нам помогут этические положения, разработанные Ж. Лаканом, в основе которых учение об аппарате желания.

Ключевые слова: И. Кант; императив; этика; маркиз де Сад; Ж. Лакан; С. Жижек.

I. KANT, J. LACAN AND MARQUIS DE SADE: ON THE QUESTION OF NEW ETHICS

Kovalenko Maksim O.

student of the Faculty of Physics, Belarusian State University

Kurbacheva Olga V.

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Belarusian State University

Abstract. Today, in conditions of growing instability and sociocultural crises, there is an increasing appeal to ethical issues and understanding of moral problems through the prism of modern realities. A substantive study of ethical issues is impossible without referring to the work of I. Kant “Critique of Practical Reason”. The author notes that there are a number of researchers who show the fundamental similarity of the ideas of the moral philosopher Immanuel Kant and the anti-moralist writer marquis de Sade. Such an identity is possible due

to the fundamental contradiction inscribed in the modern cultural situation between the act of utterance and its content, which are located in the scene of utterance. In resolving this contradiction, we will be helped by the ethical provisions developed by J. Lacan, which are based on the doctrine of the apparatus of desire.

Key words: I. Kant; imperative; ethics; marquis de Sade; J. Lacan; S. Zizek.

Тематика учения И. Канта сегодня обладает привилегированным статусом. Участники философских дискуссий знают про кантовский моральный императив – это необходимый компонент понимания общей картины философии. В большинстве современных учебных материалов можно обнаружить общие фразы о том, что кантовская моральная философия представляет собой образец ригоризма и рационального взаимодействия с ближним [1]. Вместе с тем стоит напомнить, что долженствование в философии Канта принимает всеобъемлющие формы, например, он формулирует это в знаменитой цитате: «Поступай так, чтобы максима твоего поступка могла бы стать основой всеобщего законодательства» [2, с. 153]. Любой индивид характеризуется собственным долгом, который он устанавливает перед собой, при чём он полностью противоположен эгоистичным интересам субъекта. И. Кант выражает это в простом примере о том, что: «Предположим, что некто сказал, что его страсть непреодолима, когда желаемый объект и удобный случай предоставляются. Спросим его, действительно ли он не смог бы контролировать его сильные чувства если перед зданием, где он имеет эту возможность, была построена виселица, на которой его бы немедленно повесили сразу после удовлетворения его страсти. Нам не надо долго гадать каким мог бы быть его ответ» [2, с. 214]. В данной цитате Кант проводит различие между той стороной субъекта, которая отвечает за его истинные желания, удовольствия и счастливую жизнь и моральным законом, который стоит выше субъекта и направлен на Другого. И. Кант подчёркивает тот раскол, который производится между «счастливой жизнью» и законом, при том, что данный закон мы можем прочувствовать только посредством априорного чувства стыда, то есть уже здесь мы можем видеть определённое измерение карательной функции морали.

С другой стороны, особняком в истории этики стоит такой мыслитель как маркиз де Сад. Большинство предпочитает забыть о его существовании, либо предпочитают не замечать ту проблематику этического плана, которой он занимается, сводят всё его творчество к непристойной тематике. В XVIII в. маркиз де Сад писал свои произведения, он был не понят и

критикуем, но после Второй Мировой войны интерес к де Саду вернулся, во многом в связи с теми преступлениями, которые были совершены нацистами по всему миру. После окончания боевых действий многие начинают задумываться о тех проблемах, которые заложены в нашей этике. Характерно и то, что экранизацию произведений де Сада великий режиссёр Пазолини в фильме «Сало, или 120 дней Содома» (1975 г.) проводил в декорациях фашистской Италии. Но какова в этом роль И. Канта и маркиза де Сада? Первыми серьёзное обсуждение данного вопроса начали философы Франкфуртской школы Т. Адорно и М. Хоркхаймер [3]. Они подняли вопрос о том, что проект Просвещения фундаментально заключает в себе противоречие, связанное с концентрацией на всеобщей рационализации всех сторон человеческой жизнедеятельности. При том, что рациональность в совокупности с отчуждением привела к тому, что средства производства, которые были произведены нами, были направлены на уничтожение людей. Данное противоречие авторы исследуют в их фундаментальном труде «Диалектика просвещения» (1947 г.). Адорно и Хоркхаймер выносят приговор всем этическим доктринам Просвещения и показывают, как их развитие в итоге привело нас в современное положение кризиса [3].

В первую очередь, их обвинения направлены в сторону Р. Декарта, с его положением «я мыслю, следовательно, я существую», которое в трактовке франкфуртцев является первым актом отчуждения, в связи с тем, что «я думает или высказывается о я» [3]. С другой стороны, точно также в их критике Просвещения постоянно присутствует имя Канта, как одного из главных теоретиков данного проекта. Адорно и Хоркхаймер показывают, что романтические мечты Канта о рациональном взаимодействии и помощи ближнему, которые поддерживались моральным законом, в реальности обернулись жестоким давлением репрессивного капитализма над субъектом, что выражалось в том числе и в нацистских преступлениях: «Теперь, когда он (фашизм) опустошает планету, народы вынуждены бороться против него, ибо не остаётся никакого иного выхода. Но когда все уже будет позади, дух свободы вовсе не обязательно начнёт распространяться по всей Европе...» [4, с. 122]. Ведь, как подчёркивают Адорно и Хоркхаймер, моральный закон может быть навязан в том числе и репрессивными мерами государства.

Следующим после Франкфуртской школы этапом развития мысли о формировании субъекта после Просвещения можно назвать концепцию идеологических аппаратов государства [5]. В такой проекции моральный

закон, который расщепляет субъекта, вносится в него извне во время процесса социального воспроизводства, которое господствует в современном обществе. В данной проекции учение Альтюссера и учение Канта обсуждает одну и ту же тему – расщеплённость субъекта между его идеологическим субъективным и индивидуальными желаниями. При чём, по мнению Альтюссера, данная расщеплённость благодаря тихой деятельности идеологического аппарата затушёвывает данное противоречие, так как субъектность воспринимается как нечто априорно данное. Каждый из описанных авторов исследовал проблематику существования индивидуального желания и его противоположности моральному закону. Разница тут лишь в том, что Адорно и Хоркхаймер отождествляют закон сугубо с репрессией, а Альтюссер ввёл рассмотрение идеологического компонента в формировании внутреннего понимания закона.

Следующим этапом в рассмотрении проблемы взаимодействия морали и конституции субъекта стало учение Лакана о «тождестве Канта и Де Сада» [6]. Но как могут быть тождественны учения философа-моралиста Канта и аморального философа де Сада? Лакан в работе «Кант с Де Садом» (1966 г.) демонстрирует, что моральный кантовский императив вносит фундаментальную разъединённость в мир субъекта в связи с тем фундаментальным отчуждением, которое Лакан формулирует так: «одно означающее представляет себя другому означающему» [5, с. 451]. Как демонстрирует Лакан, любое означающее, имеющее принципиальное значение в публичной речи, всегда характеризуется расщеплённостью и запозданием, связанными с тем, что в структуре высказывания всегда присутствует перформативное противоречие, так как любую проблему высказывания мы решаем через само высказывание. По сути, Кант своим высказыванием демонстрирует ту самую расщеплённость, о которой мы говорили раньше – между моральным императивом и «свободной» жизнью. Вся сложность в том, что голоса, который заставлял бы тебя подчиняться, нет, он функционирует глубоко внутри субъектности индивида. Этот голос говорит тебе простую фразу: «Либо х не будет, либо я больше не смогу жить» или «Без х наступит моя смерть». Садист в произведениях маркиза де Сада демонстрирует то самое противоречие, показывая патологический путь, который скрыт глубоко за законом. Так как любой императив имеет абсолютно субъективное содержание, то наполнить его мы можем по-разному. Например, маркиз де Сад манифестирует собственный императив, который можно сформулировать как «отдайся собственному

патологическому желанию, которое лежит глубоко внутри». Как это формулирует С. Жижек: «Садовское движение от кантовского Почтения–к–богохульству, т. е. от уважения Другого (равного вам), его свободы и автономности, от постоянного отношения к нему также как к цели–в–себе, к сведению всех Других именно к несущественным инструментам, которые безжалостно используются, – определенно соответствует тому факту, что «субъект высказывания» Морального предписания, невидимый у Канта, принимает конкретные черты палача у Сада» [6, с. 27]. Данная точка зрения рассматривает де Сада как радикальную версию Канта и в данном случае показывает, что кантовская моральная философия становится местом укрытия любого авторитарного мышления и все обвинения в сторону Просвещения, которые провозгласили Адорно и Хоркхаймер, релевантны.

Тождество И. Канта и де Сада представляет собой одну из форм противоречия акта высказывания и содержания высказывания. Как и моральный закон у Канта, так и более широкий контекст акта высказывания у Лакана существуют на сцене ещё до произнесения всякого содержания или произведения любого поступка. Присутствие акта высказывания и вызывает то торможение, которое было описано нами ранее, и как бы сбивает цель каждого высказывающегося. Это та сила, которая продуцирует в субъекте стыд и замешательство во время держания речи, так как в этом процессе присутствует долженствование и свобода субъекта, которые раскалывают данное означающее на две части (субъект как «индивид, имеющий свободный выбор» или субъект как «долг высказывания в публичной речи»). В такой проекции совпадение И. Канта и де Сада является фундаментальной проблемой для европейской этики, так как необдуманное Кантом пространство акта высказывания повлияло в том числе и на его учение тем, что породило в нём садистический зазор, связанный с превращением универсального императива (восприятие человека как цель и помощь ближнему) в садовский императив, который превращается в подлинную изнанку кантовского проекта (императив бесконечного использования Другого как средства удовлетворения собственных задач и бесконечное потакание собственным потребностям). Это фундаментальная проблема построения любой этики.

Но как нам спасти кантовский проект? И в этом нам опять же поможет Кант, так как он формулирует первое положение, которое должно содержаться в современной этике – человек никогда не должен рассматриваться как объект, а только лишь как цель. Также моральный императив никогда не должен принимать форму оправдания субъекта и не

должно превращать его в носителя какой-то высокой цели, которой он может оправдать любые свои злодеяния. Например, террорист, который оправдывает свои деяния исторической необходимостью или религией, никак не является моральным человеком, он лишь оправдывает свои поступки высокими целями. Мы никогда не должны являться инструментом или объектом наслаждения морального закона, то есть принять полную ответственность за свой Долг – так данная этическая доктрина поможет нам сформировать новое антитоталитарное мышление. И последнее, что стоит заметить – это то, что философия XX века позволила разработать нам новый аппарат желания. Данный аппарат усиленно разрабатывали такие философы как Ж. Лакан и Ж. Делёз, в связи с чем стоит переформулировать кантовскую точку зрения на то, что любое желание является априори патологическим и препятствующим реализации морального императива. Желание у Лакана имеет свой объект а, который является его причиной, что снимает вопрос Канта об отсутствии априорной связи между эмпирическим объектом и удовольствием. Желание, как провозгласил в парадоксальной форме Лакан, является желанием Другого. В связи с чем, жижекская формулировка нового этического лозунга, который звучит как «всегда следуй собственному желанию» можно осмыслить в совершенно новых категориях, в которых Жижек и Лакан мыслят чистый акт Антигоны.

Список литературы

1. Зеленков, А. И. Философия: Учеб.-метод. комплекс / А. И. Зеленков, В. В. Анохина, А. П. Ждановский и др. – Мн. : БГУ, 2003. – 335 с.
2. Кант, И. Основы метафизики нравственности: в 6 т. / И. Кант. – М. : Мысль, 1965. – 4 т. – Ч. 1. – 310 с.
3. Хоркхаймер, М. Диалектика Просвещения: Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. В. Адорно. – М. : Медиум, 1997. – 310 с.
4. Альтюссер, Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) / Л. Альтюссер // Неприкосновенный запас. – 2011. – Т. 77, № 6. – С. 21–176.
5. Lacan, J. Kant avec Sade / J. Lacan. – Paris : Seuil, 1966. – 790 p.
6. Жижек, С. Кант и Сад: идеальная пара : пер. с англ. / С. Жижек; под ред. Т. А. Дорохова. – Антропология. – 2004. – 14 с.